

عدم التناسق المورفولوجي للأسماء في اللغة الروسية المعاصرة الجوانب الدلالية والقواعدية

م.م. خميس عبد الستار عواد

وزارة التربية - المديرية العامة لتربية صلاح الدين

قسم تربية سامراء

**Asymmetry of the morphological categories of the
number of a noun in the modern Russian language in
semantic and grammatical aspects**

**KHAMEES ABDUL SATTAR AWAD- Department
of Education/Samarra**

**Ministry of Education
General Directorate of Education in Salah Al-DDin**

تقدم هذه المقالة موضوع عدم التناسق او التماثل في الخواص الصرفية للأعداد وعدم تماثل الاسماء الحية وغير الحية في الجوانب الدلالية والقواعدية في اللغة الروسية المعاصرة . وتم تبرير مشكلة عدم التناسق من خلال جانبين هما:

١-الاختلاف بين الشكل والمضمون .

٢- وجود تناقض في المعنى .

وجعل محاولة تحليل المواقف الذي يمكن تعقبه وعدم الامتثال الصرفي من ناحية الشكل للأسماء وخاصة القيم العددية وكذلك حالات عدم التماثل في الدلالات النحوية من جانب الخاصية الصرفية للأعداد الحية وغير الحية

المفاتيح الرئيسية: عدم التناسق ، الخاصية الصرفية للأعداد الحية وغير الحية، الاسماء ، الجوانب الدلالية والنحوية .

Краткое содержание

В статье представлена асимметрия морфологических категорий числа и одушевленности / неодушевленности имени существительного в современном русском языке с позиции семантического и грамматического аспектов; обоснована проблема асимметрии сквозь призму двух плоскостей:

1) как различия ядра и периферии

2) как несоответствие между означающим и означаемым;

сделана попытка проанализировать случаи, при которых прослеживаются несоответствия морфологических форм имен существительных и их категориальных числовых значений, а также ж случаи несоответствия семантики и грамматики на уровне морфологической категории одушевленности / неодушевленности.

Ключевые слова: асимметрия, морфологические категории числа и одушевленности / неодушевленности, имя существительное, семантический и грамматический аспекты.

Abstract

The article represents the asymmetry of the morphological categories of the number and animacy / inanimacy of a noun in the modern Russian language in semantic and grammatical aspects. The problem of asymmetry through the prism of two planes has been justified:

1) as differences between the nucleus and the periphery

2) as a discrepancy between the signifier and the signified.

An attempt has been made to analyze the cases in which inconsistencies in the morphological forms of nouns and their categorical numerical values have been traced, as well as cases of discrepancy between semantics and grammar at the level of the morphological category of animacy / inanimacy.

Key words: asymmetry, morphological categories of number and animacy/inanimacy, noun, semantic and grammatical aspects.

Проблема формы и значения, семантики и грамматики, их первостепенности и взаимосвязи является одной из центральных в современном языкознании, что обусловлено пониманием языка как дихотомической системы, которая имеет план выражения и план содержания. В течение истории развития лингвистической науки эту проблему изучали представители различных научных направлений: *формально ориентированного, семантикоцентрического, структурно-семантического, логико-психологического, функционального*. Это создало прочную основу для дальнейшего ее исследования.

На сегодня существует значительный корпус трудов, где сконцентрировано внимание на *корреляции грамматической формы и содержания*, в частности таких лингвистов, как В. Адмони, Н. Арутюнова, Ш. Балли, А. Бондарко, Т. Булыгина, В. Виноградов, О. Есперсен, В. Звегинцев, С. Кацнельсон, С. Карцевский, Е. Кубрякова, Е. Курилович, Ю. Маслов, И. Матвиас, И. Милославский, Н. Озерова, А. Потебня, А. Смирницкий, Л. Щерба, В. Ярцева и др.

В рамках освещения этой проблематики исследователи постоянно акцентировали внимание на том, что в системе грамматических категорий наряду с последовательными, типичными, симметричными проявлениями существуют нетипичные, асистемные, асимметричные явления. Их анализ на уровне морфологии существительного, в частности в отечественном языкознании, не был охарактеризован регулярностью и почти не был реализован в появлении специально посвященных этой проблеме исследований. Лишь в последнее время в трудах Е. Воронцова, Л. Газизулина, В. Гак, Н. Озеров и др. актуализировались *вопросы касательно асимметрии между формой и значением именных морфологических единиц*, при взаимодействии лексического и грамматического аспектов с целью формирования и преодоления (компенсации) асимметрии. Ценность исследований упомянутых ученых состоит в утверждении семантико-грамматической асимметрии в морфологических категориях существительного как закономерности, без Осмысления которой объект не может быть познан во всей его сложности и разнообразии. В то же время, ориентированные на изучение тех или иных частных аспектов лексической и грамматической специфики существительного, труды исследователей не дают целостного

представления о феномене асимметричного на уровне морфологических категорий существительного [2; 6].

Цель статьи – представить асимметрию морфологических категорий имени существительного с позиций семантического и грамматического аспектов.

Критический анализ лингвистической литературы дал возможность убедиться в том, что *проблема асимметрии* в языке на разных уровнях ее организации всегда привлекала внимание исследователей (см. труды И. Пономаренко, М. Солнышкина, К. Филиппов, Е. Харина, Н. Черемисина-Ениколопова и др.). В зависимости от исходных положений тех или иных научных языковедческих парадигм она решалась по-разному. Глубокой разработки *проблема асимметрии* в языке добилась, когда произошло становление структурно-семантического и функционального направлений, для которых вопрос формы и значения, их соотношение и функции стали ключевыми [7].

Начало теоретического осмысления *асимметрии* связан с именем С. Карцевского, который впервые ввел понятие *асимметрии* в научный оборот. Ранее этот термин использовался в основном лишь в науках естественного и математического циклов [17, с. 85–90]. Идея С. Карцевского об *асимметричном дуализме языкового знака*, согласно которому каждая форма стремится приобрести новые функции, а каждая функция – воплотиться в различные формы, и обеспечивает существование языковой системы в состоянии неустойчивого равновесия, легла в основу последующих поисков исследователей в этом направлении. Особое место здесь принадлежит трудом Ш. Балли, Н. Немищенко, И. Осетров и др.

Согласно современным представлениям понятие *асимметрии* рассматриваем, следом за Ф. Маулер, и в двух плоскостях: 1) как различия ядра и периферии и 2) как несоответствие между означающим и означаемым [21, с. 12]. При этом внимание акцентируем на второй интерпретации понятия, поскольку понятие *асимметрии* демонстрирует именно несоответствие между означающим и означаемым, которые применимы при исследовании всех языковых уровней, в том числе и морфологического. Поэтому, если речь идет о морфологическом уровне, то необходимо употреблять понятие *семантико-грамматической асимметрии* – нарушение симметричного соотношения семантики, которая структурирует морфологическую категорию, с формами ее выражения [22, с. 40].

Семантико-грамматическая асимметрия проявляется на *парадигматическом, синтагматическом и семиотическом уровнях*. Если на парадигматическом уровне можно выделить такие разновидности асимметрии, как *полисемия, омонимия и синонимия*, на синтагматическом

– *аналитические и синтетические формы*, то на семиотическом – нулевые и «пустые» формы. Как показал обзор трудов грамматистов (А. Кретов, А. Лось и др.), отдельные аспекты проблемы семантико-грамматической асимметрии на уровне морфологических категорий существительного получили ту или иную научную интерпретацию, однако целостного исследования этой проблемы не проводилось.

Прежде всего, попытаемся проанализировать случаи, при которых прослеживаются несоответствия морфологических форм имен существительных и их категориальных числовых значений [6].

Для начала необходимо сказать, что исследование случаев семантико-грамматической асимметрии на уровне *морфологической категории числа* мотивировано тем, что существуют все основания рассматривать семантику этой категории как доминантную в конституировании грамматического значения *предметности*, которая структурирует класс имен существительных, а сама категория играет важную роль в функционировании других именных

категорий, в том числе одушевлённости / неодушевлённости [12, с. 65].

При этом семантико-грамматическую симметрию в сфере морфологической категории числа представляют имена существительные конкретной собственно предметной семантики, к которым может быть применена идея счета (например, *стол / столы*). На уровне этих имен существительных значение числа имеет реальное смысловое наполнение: содержание единственного числа структурировано реальной единственностью предмета в бытии, а содержание множественного числа указывает на реально большее количество подобных предметов.

На уровне существительных с конкретным значением прослеживаются случаи нарушения соотношения грамматической семантики и форм ее выражения. Они становятся возможными или в результате семантического развития лексемы, или в результате воздействия на форму числа контекстного окружения. Семантическое развитие имени существительного сопровождается *двумя процессами*: 1) конкретное имя существительное развивается в направлении несовместимых с идеей счета значений, вследствие чего семантика счета отходит на периферию; морфологическая форма числа, в которой закрепляется новое, неконкретное, значение, становится «пустой» [16]. 2) конкретное имя существительное развивается в направлении появления других конкретных значений: в этом случае оно может как сохранять характерную для исходной лексемы симметричную парадигму числовых форм и значений, так и лексикализироваться в одной из парадигматических форм, в большинстве случаев во множественном числе, чем будет вызвана *омонимия форм* как проявление семантико-

грамматической асимметрии [16]. Под влиянием контекста парадигматические числовые формы конкретных имен существительных могут приобретать дополнительную семантику к основному категориальному числовому значению, что приводит к *полисемии* грамматических форм числа как проявление семантико-грамматической асимметрии.

Семантика-грамматическая асимметрия присуща именам существительным конкретной семантики со значениями дву- или многосложности (например, *ножницы, вилы*) [10, с. 47]. Лексикализовавшись в форме множественного числа, такие имена существительные с помощью категориального числового показателя начали синкретично выражать как *словообразовательное значение*, так и *значение множественного числа*, т.е. возникла омонимия словообразовательного компонента и грамматической флексии. При этом значение единственного числа было лишено симметричной формы выражения.

Традиционно в научной литературе феномен *асимметрии* интерпретируют как омонимию форм единственного и множественного чисел, что не вполне оправдано, поскольку значение единственного числа имеет форму омонимическую к словообразовательному компоненту, а не к форме множественного числа [10, с. 47].

Имена собственные как специфическая группа конкретных имен существительных обычно рассматриваются как такие, которые имеют только значение единственного числа, которое воплощается как в форме единственного числа, так и в форме множественного числа. Например: *Так упали пышные Афины под ударами Македонии – свободной от рабства страны* (И. Сенченко). В этом случае *асимметрия* прослеживается, во-первых, в том, что формы множественного числа не соответствуют значению реальной единичности предмета, а во-вторых, в том, что имена собственные не образуют коррелятов множественного числа. Образование множественного числа, по мнению исследователей (А. Бондарко, Н. Валгина, В. Виноградов, А. Зализняк и др.), меняет семантику имени существительного и переводит его в разряд имен нарицательных.

Такая позиция является вполне логичной только при *референтном употреблении* имени собственного. Однако на *дореферентном уровне* имена собственные необходимо рассматривать как своеобразные прилагательные слова, которые могут принимать значения как единственного, так и

множественного числа, предоставленных им именем существительным – именем нарицательным. Эта объясняется тем, что любое слово, прежде чем стать именем собственным, вводится в контекст как имя

нарицательное. Числовое противопоставление имен существительных – имен собственных – может быть представлено с помощью такой корреляции: «предмет, которому предоставлено определенное имя, присвоено имя собственное, представленный одним экземпляром» / «предметы, которым предоставлено одинаковое имя, представлены многими экземплярами» [19, с. 5–11].

Нарушение симметричного соотношения семантики и грамматики имеет место на уровне имен существительных *абстрактной* и *вещественной семантики*: они имеют лишь форму единственного или множественного числа, распределяясь по формальным классам имен *singularia* и / или *pluralia tantum*, которые не соотносятся с количественными характеристиками, т.е. здесь имеют место «пустые» формы как проявление семантико-грамматической асимметрии [13, с. 65–77]. Преодоление асимметрии именами существительными этих разрядов вполне возможно, особенно для единичных форм, но только при условии развития их лексической семантики в направлении конкретизации. Эти случаи достаточно основательно охарактеризовала Н. Озерова [24].

В разряде сборных имен существительных представлено крайнее проявление семантико-грамматической асимметрии, поскольку они всегда имеют только форму единственного числа, т.е. «пустую» форму касательно значения числа. Сборные имена существительные, в отличие от абстрактных и вещественных, не способны приобретать коррелятивных форм числа ни при каких условиях, кроме редких специфических случаев. Причиной, которая делает невозможным образование этими именами существительными множественного числа, является наличие в их структуре оценочных значений, описанных в трудах Д.И. Руденко и А.П. Мосьпан. Этим они и отличаются от имен существительных со сборной семантикой (например, *толпа*, *народ*, *стадо*, *отара*), для которых значение и форма множественного числа является исконной.

Далее попытаемся рассмотреть случаи несоответствия семантики и грамматики на уровне морфологической *категории одушевленности / неодушевленности*.

Анализ этой категории после категории числа объясняется тем, что категория числа обеспечивает значение *одушевленности / неодушевленности* последовательностью выражения в графеме множественного числа, а категория *одушевленности / неодушевленности* обеспечивает семантическую мотивацию категории рода в единственном числе. Кроме этого, на пути своего морфологического проявления категория *одушевленности / неодушевленности* тесно взаимодействует с категорией *падежа*: форма винительного падежа становится плоскостью

синкретического выражения значений *падежа* и *одушевленности* / *неодушевленности*. Для некоторых исследователей (А. Бондарко [3]) это послужило основанием для утверждения, что значения одушевленности / неодушевленности не имеют собственных форм выражения. Предполагаем, что необоснованность этой позиции можно доказать с помощью анализа причин выражения значений одушевленности / неодушевленности именно в граме винительного падежа. Одна из причин – это актуальность объектной семантики винительного падежа для дифференциации значений одушевленности / неодушевленности [22, с. 41].

Симметрическим соотношением семантики и грамматики на уровне морфологического компонента межуровневой грамматической категории одушевленности / неодушевленности (морфологической категории одушевленности / неодушевленности) является выражение значения одушевленности омонимической с формой родительного падежа формой винительного падежа, которая синкретично воплощает как значение винительного падежа, так и значение одушевленного предмета мужского рода II склонения в числе и во всех родах во множественном числе, а значение неодушевленности омонимической с формой именительного падежа формой винительного падежа, которая синкретично воплощает как значение винительного падежа, так и значение неодушевленности имен

существительных всех родов в единственном числе, кроме имен существительных мужского рода II склонения, и во множественном числе. Следовательно, формы единственного числа имен существительных женского и среднего родов являются «пустыми» касательно семантики одушевленности, таким образом представляя один из случаев семантико-грамматической асимметрии. Нарушение симметрического соотношения семантики и грамматики на уровне морфологической категории одушевленности / неодушевленности имеет и другие проявления [26, с. 60].

Наиболее показательными являются случаи выражения значений одушевленности (*пасти лошадей* / *лошади*) и неодушевленности (*положить нож* / *ножик*), которые в морфологических описаниях интерпретируются как *параллельные формы*, или *параллелизмы* [28]. Конечно, это свидетельствует о неправомерности терминологического определения упомянутых явлений, которые нами истолковываются как синонимы. Причины появления синонимических асимметричных морфологических форм касательно семантики одушевленности или неодушевленности являются абсолютно разными.

Имена существительные – названия одушевленных предметов приобретают форму неодушевленных только во множественном числе, что свидетельствует о влиянии этого значения для формирования асимметрии. В том случае, когда форма множественного числа выражает значение расчлененной совокупности предметов, имеет место симметрическая репрезентация значения одушевленного предмета [31].

При активизации сборной семантики, характерной для форм множественного числа как вторичного, нет необходимости указывать на одушевленность предметов, а это способствует тому, что имена существительные приобретают форму неодушевленных. Этот фактор способствует также закреплению одушевленных имен существительных в форме неодушевленных в пределах фразеологизированных сочетаний (например, *пойти в солдаты*). Кроме этого, можно говорить о зависимости выражения / невыражения значения одушевленного предмета от значений,

которое присуще форме множественного числа. Это указывает на необходимость учета фактора междукатегорийного взаимодействия при реализации грамматических значений.

В связи с констатацией факта несовместимости значения сборности со значением одушевленного предмета было проанализировано специфику существительных собственно-собирательного (*студенчество*) и несобственно- собирательного (*народ*) значений [6, с. 300]. Традиционно о существительных этих групп говорят как об асимметричных касательно семантики одушевленности, что не совсем оправдано [32]. На уровне существительных собственно-собирательного значения семантика одушевленности действительно имеет место быть. Это обусловлено их лексико-семантической мотивированностью именами существительными со значением одушевленности. Однако она сохраняется только как номинативный семантический компонент, который спорадически может активизироваться на синтагматическом уровне. Формальная невыраженность на морфологическом уровне свидетельствует о существовании семантико-грамматической асимметрии. Однако, в случае с именами существительными несобственно-собирательного значения следует отказаться от их квалификации как асимметричных касательно семантики одушевленности, поскольку они не являются непосредственными носителями. Эта семантика полностью принадлежит именами существительным, в отношении которых несобственно-собирательные выступают постоянными квантификаторами, что способствует их семантическому «заражению» (например, *стадо – стадо овец*) [6].

Синонимия форм как проявление семантико-грамматической асимметрии присуща также именам существительным неодушевленной семантики.

Это явление наблюдается на уровне имен существительных мужского рода в единственном числе (например, *взять хлеб / хлеба*). Появление синонимических асимметричных форм касательно семантики неодушевленности (*хлеба*) обусловлена изменениями в семантике винительного падежа, которые требуют и изменения формы [16].

Омонимия как проявление семантико-грамматической асимметрии представлена в именной системе фактами употребления одних и тех же форм для обозначения как одушевленности, так и неодушевленности (например, *поднять мешок* (неодушевленный) / *поднять ленивый мешок* (одушевленный), *увидеть живого рака – есть сваренного рака* и т.д.). Возникновение омонимов обусловлено лексико-семантическими процессами в именной системе. Преодоление омонимии возможно не всегда, в том числе на уровне единственного числа, где лишь имена существительные мужского рода способны приобретать форм со значением противопоставленности [16].

Некоторые имена существительные в русском языке обозначают такие предметные реалии, осознание которых говорящими как одушевленных или неодушевленных не упрочилось. Это в основном имена существительные – названия предметов микробиологического уровня (*паразит, бактерия*). В результате мыслительной неопределенности бытийного статуса такие предметы в языке могут соотноситься с обеими значениями категории одушевленности / неодушевленности. Это формирует уникальную ситуацию: оба значения и формы их выражения следует признать симметричными.

Семантика-грамматическая асимметрия на уровне морфологической категории одушевленности / неодушевленности присуща неизменяемым именам существительным по причине отсутствия в них флексий, которые в грамматике винительного падежа указывали на то или иное значение. Компенсация формальной морфологической необеспеченности значений одушевленности / неодушевленности осуществляется синтаксически, т.е. с помощью аналитических средств.

Подводя итог, можем сделать следующие **выводы**:

1. С момента вхождения в лингвистическое пространство понятий «асимметричность», «асимметрия», появление которых связывают с именем С. Карцевского, их смысловой диапазон значительно расширился: они обозначали различные, часто противоположные явления в языке и речи. Теоретическую четкость понятию *асимметрии* обеспечили труды Ш. Балли и В. Крюка, где изложена классификация асимметричных проявлений в речи. Одним из числа основных типов асимметрии была признана асимметрия между означающим и означаемым, которая реализуется на уровне языкового знака в виде таких явлений, как *полисемия, омонимия, синонимия*, существовании «пустых» и

синкретических форм, аналитизмом и т.п. Эти явления разной степени характерны для всех уровней языковой организации, в том числе и для морфологического. Их существование является прямым следствием несоответствия проекции знаковой речевой системы на систему, которой является окружающий мир, и систему, существующую в представлении человека об этом мире. Следовательно, исследования асимметричного – это своеобразное изучение человека через границы его познания и языкового отражения разнообразия мира.

2. *Семантико-грамматическая* асимметрия является разновидностью асимметрии между означающим и означаемым на уровне грамматики и, в частности, на уровне *морфологических единиц*, которые структурируют морфологическую категорию. Ее сущность заключается в нарушении симметричного соотношения семантики, которая структурирует грамматическую категорию, с формами ее выражения. Таким образом, изучение асимметрии на уровне грамматических категорий может происходить только при условии четкого понимания того, что представляет собой симметрия между значением и формой в пределах определенной морфологической категории.

3. Наиболее показательным для выяснения проявлений и характера семантико-грамматической асимметрии были избраны две морфологические категории имени существительного: *категория числа* и *категория одушевленности / неодушевленности*. Морфологическая категория числа является основной в иерархии морфологических категорий имени существительного, поскольку именно она обеспечивает почву для последовательной реализации морфологической категории одушевленности / неодушевленности. При этом семантико-грамматическая асимметрия на уровне морфологической категории одушевленности / неодушевленности представлена синонимическими и омонимическими формами в сфере изменяемых и аналитическими в сфере неизменяемых имен существительных.

Список использованной литературы:

1. Арбатский Д.И. О колебаниях в числе имен существительных / Д.И. Арбатский // РЯШ. – 1963. – № 5. – С. 13–17.
2. Арбатский Д.И. О лексических значениях форм множественного числа имен существительных в современном русском языке / Д.И. Арбатский // НДВШФН. – 1958. – № 4. – С. 65–74.
3. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий / А.В. Бондарко. – Ленинград: «Наука», 1976. – 624 с.
4. Валгина Н.С. Современный русский язык / Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь, М.И. Фомина; под ред. Н.С. Валгиной. – 6-е изд., перераб. и допол. – М.: «Логос», 2001. – 416 с.

5. Васильева С.П. Современный русский язык. Морфология: учебное пособие / С.П. Васильева, И.В. Ревенко, М.Ф. Пророкова. – Красноярск,
6. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – 2-е изд. – М.: «Высшая школа», 1972. – 639 с.
7. Вопросы формально-содержательной асимметрии единиц языка различных уровней: межвузовский тематический сборник. – Барнаул,
8. Воронцова Е.А. Формально-содержательная асимметрия в сфере частей речи как основа их функционального сближения (на материале класса прилагательных в английском языке): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.А. Воронцова Барнаул, 2004. – 182 с.
9. Газизулина Л.В. Симметрия и асимметрия базового слоя вариантов концептов «насилие» и «violence» / Л.В. Газизулина // Вестник Челябинского гос. ун.-та. Серия «Филология. Искусствоведение». – 2012. – № 13 (267). – Вып. 65. – С. 23–28.
10. Гак В.Г. Асимметрия / В.Г. Гак // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Я. Ярцевой. – 1990. – С. 47.
11. Дегтярев В.И. Категория числа в славянских языках / В.И. Дегтярев. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1982.
12. Дегтярев В.И. Плюрализация имен собирательных в истории славянских языков / В.И. Дегтярев // Вопросы языкознания. – 1987. – № 5.
13. Дегтярев В.И. Происхождение имен pluralia tantum в славянских языках / В.И. Дегтярев // Вопросы языкознания. – 1982. – № 1. – С. 65–77.
14. Дегтярев В.И. Собирательность и категория числа в истории славянских языков / В.И. Дегтярев // Вопросы языкознания. – 1982. – № 4.
15. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение / А.А. Зализняк. – М.: «Наука», 1967. – 760 с.
16. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка. Морфология / А.В. Исаченко. – Братислава: Изд-во Словацкой Академии наук, 1954. –
17. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С.О. Карцевский // История языкознания 19–20 веков в очерках и извлечениях / В.А. Звегинцев. – 1965. – С. 85–90.
18. Ковалев В.П. Категория числа как выразительное средство / В.П. Ковалев // РР. – 1974. – № 4. – С. 85–88.
19. Кретов А.А. Асимметрия в лингвистике / А.А. Кретов // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 2. – С. 5–11.
20. Лось А.Л. Проблема асимметрии организации значения на примере лексических единиц, репрезентирующих светлое и темное в русском языке / А.Л. Лось // Вестник Томского гос. ун.-та. – 2010. – № 1(17). – С. 13–18.
21. Маулер Ф.И. Виды асимметрии между сторонами языкового знака / Ф.И. Маулер // Асимметричные знаки в языке. – 1987. – С. 12–15.

22. Мороз Т.Ю. Семантико-грамматическая асимметрия на уровне грамматического рода существительных / Т.Ю. Мороз // Лингвистические исследования: сборник науч. труд. / под общ. ред. проф. Л.А. Лисиченко. – Х., 2007. – Вып. 22. – С. 36–44.
23. Нещименко Г.П. Явление асимметрии у существительных со значением лица в чешском языке / Г.П. Нещименко // Советское славяноведение. – 1966. – № 2. – С. 31–40.
24. Озерова Н.Г. Лексическая и грамматическая семантика существительного / Н.Г. Озерова // АН УССР. Ин-т языковедения им. А.А. Потебни / отв. ред. Г.П. Ижакевич. – К.: Наук. думка, 1990. – 192 с.
25. Осетров И.Г. Принципы асимметрического анализа грамматических явлений / И.Г. Осетров // Вестник МГОУ. Серия Русская филология. – 2011. – № 6. – С. 36–40.
26. Осетров И.Г. Симметрия и асимметрия: онтологический и лингвистический аспекты / И.Г. Осетров // Вестник МГОУ. Серия Русская филология. – 2009. – № 2. – С. 55–60.
27. Пономаренко И.Н. Симметрия/асимметрия в лингвистике текста: автореф. ... дисс. докт. филол. наук / И.Н. Пономаренко. – Краснодар, 2005. – 385 с.
28. Рожкова Г.И. Русский язык в нерусской аудитории. Спецкурс по основам функциональной грамматики / Г.И. Рожкова. – М.: Изд-во Московского университета, 1986.
29. Солнышкина М.И. Асимметричные проявления концепта в языке / М.И. Солнышкина // Вестник МГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 59–64.
30. Филиппов К.А. Асимметрия культурных концептов и языковое выражение / К.А. Филиппов // День науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов. – 1996. – С. 395–397.
31. Харина Е.С. Явление симметрии/асимметрии языкового знака, [Электронный ресурс] / Е.С. Харина. – Режим доступа : www.pglu.ru/lib/publications/University.../uch_2008_V_00042.pdf.
32. Черемисина-Ениколопова Н.В. Симметрия/асимметрия как глубинный универсальный закон в языке и других отраслях знания / Н.В. Черемисина-Ениколопова // Человек. Язык. Искусство: матер. междунар. науч.-практ. конф., (Москва, 14–16 ноября 2000 г.). – 2000. – С. 256–257.
33. Чеснокова Л.Д. Категория неопределенного множества и семантические формы мысли / Л.Д. Чеснокова // Семантика грамматических форм: межвуз. сб. науч. трудов. – Р/на/Дону, 1982. – С.